

ОЧЕРКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

**Чернов С.А. ПОЛИТОЛОГИЯ. Учебное пособие.
Москва: ГЦОЛИФК, 2016, 112 с.**

© 2016 г. **Н.М. Травкина***

Статья поступила в редакцию 17.04.2016.

Работа доктора политических наук, профессора кафедры культурологии, социокультурной антропологии и социальных коммуникаций ГЦОЛИФК С.А. Чернова, по его собственной оценке, представляет собой попытку «вызвать интерес читателей к политическим проблемам, которые их непосредственно затрагивают», и «пробудить желание самостоятельных раздумий в поисках ответов на вопросы: что происходит, почему так, а не иначе» в современном российском обществе [с. 112]. Формату «интерактивного диалога» с вдумчивыми читателями в решающей степени способствуют вехи научной биографии самого С.А. Чернова, который в конце 1960-х – начале 1970-х годов закладывал основы отечественной американистики в Институте США и Канады.

Это обстоятельство позволяет С.А. Чернову удачно соединить анализ современных проблем становления и развития российской государственности с глубоким пониманием логики и истоков тех идей и концепций, которые были трансплантированы на российскую почву из других стран, главным образом из США. Он указывает, в частности, на то, что «последняя наша Конституция, видимо, писалась под присмотром Вашингтонских кураторов. Разбавленная французскими идеями она плохо приживается на суровых российских просторах» [с. 34–35]. И дело не только в том, что такие «трансплантологи», как Е. Гайдар и А. Чубайс, оказались малоквалифицированными «специалистами» с ограниченным кругозором. Насаждение американизированной демократической политической системы государственного устройства, основанной на раз-

* ТРАВКИНА Наталья Михайловна – доктор политических наук, руководитель Центра внутривнутриполитических исследований ИСКРАН. Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., д. 2/3 ((uspolitika@gmail.com)).

делении трёх ветвей власти, строилось, казалось, бесспорной посылке о том, что «отцы-основатели заокеанской республики, опасаясь сосредоточения власти в одних руках, создали более или менее стройную систему, где законодательную власть осуществляет Конгресс. Президент со своим аппаратом управления – исполнительную власть. Независимая от них судебная, на вершине которой Верховный суд – несменяемая высшая судебная инстанция» [с. 41].

Однако по-настоящему знающие США политологи хорошо осознавали тот факт, что американская система государственного устройства, по заключению ведущего американского социолога Дж. Хантера, «рассматривалась отцами-основателями как экспериментальная. И поэтому время от времени необходимо задаваться вопросом о том, как же протекает ход этого эксперимента»^{*}. В этом, возможно, и состоит главный парадокс новой российской государственности – отвергнув советскую политическую систему как «неоправданный эксперимент над человечеством», в начале 1990-х годов Россия заменила одну экспериментальную политическую систему на другую. Более того, это произошло в условиях, когда в США стали стремительно нарастать дисфункции и дисбалансы в развитии базовых институтов американской демократии.

Как подчеркнул Дж. Хантер, не может быть сомнений в том, что «нормативные основы американских политических институтов и американской демократии в особенности на протяжении последних нескольких десятилетий подверглись фрагментации и поляризации. И проблема не сводится просто к растущему неравенству, т.е. всё возрастающей конфликтности между выразителями различных экономических и политических интересов внутри этих институтов. Фрагментация и поляризация стали нарастать по линии культурных осей, что явилось отражением нарастающего сомнения в фундаментальной роли этих институтов как таковых» [р. 63].

Один эксперимент, сменивший другой, закономерно привёл к тому, что в 1990-е годы да отчасти в последующие годы «Россия стала похожа на Чикаго 1920-х годов в США» [с. 84]. В целом нельзя не согласиться с общим выводом С.А. Чернова о том, что «самая привлекательная социально-политическая система, перенесённая без учёта исторически сложившегося общественного сознания, не даст желаемого результата» [с. 35].

Несомненным достоинством работы С.А. Чернова является широкий исторический взгляд на процессы, происходящие в российском обществе. Политологическая составляющая эволюционных процессов рассматривается им в контексте трёх основных волн столкновения российского и советского обществ с ведущими западными странами в XIX–XXI веках. В начале XIX века это было столкновение с наполеоновской Францией, кульминацией которой стала Отечественная война 1812 г. В середине XX века гитлеровская Германия, объединившая вокруг себя ресурсы практически всех европейских стран^{**}, напала

^{*} Hunter J. Polarization and Crisis of Legitimacy. // «The Hedgehog Review», Fall 2010, p. 62-64.

^{**} В работе содержится интересный фактический исторический материал на эту тему. В частности, читатель, возможно с удивлением, узнает о том, что «треть металла, использованного Германией в годы войны, была из шведской руды, т.е. каждый третий наш соотечественник был убит шведским металлом» [с.15].

на СССР, и эта война «не на жизнь, а на смерть» приняла форму Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Фактически автор развивает концепцию, согласно которой на протяжении большей части XIX века после Отечественной войны 1812 г. и на протяжении большей части XX века после Первой и Второй мировой войн, а также начавшейся в середине 1940-х годов «холодной войны» с США, продолжавшейся до начала 1990-х годов, политическая система России носила «мобилизационный» характер. С.А. Чернов исключительно удачно определяет базовый алгоритм «мобилизационных» политических систем как поиск баланса между соблюдением прав «волков и овец». Он иронично замечает, что «равная забота о правах волков и овец неизменно оборачивается геноцидом овец», а соблюдение «прав овец требует охоты на волков» [с. 47]. Он указывает на то, что «другого решения этих проблем пока нет». Поэтому периодические «охоты на волков», как это имело место в СССР в 1930-е годы, сменяются их реабилитацией и «превращением волков в овечек»; в другие периоды отечественной истории имеет место обратный процесс.

Помимо этого, «мобилизационный» политический режим в России уделял приоритетное внимание созданию оборонных отраслей экономики, укреплению правоохранительных органов, прежде всего, для возможного отражения внешней агрессии. В этой связи С.А. Чернов считает актуальными слова Александра III, который заявил в 1889 г.: «У России только два союзника – армия и флот» [с. 52]. Поэтому имперская форма государственного устройства России (и СССР) является выражением синдрома «империи поневоле» [с. 83]. Распад СССР в начале 1990-х годов в этом плане является логическим завершением периода «холодной войны».

Фактически на протяжении последних 200 с лишним лет российский тип цивилизации испытал на себе влияние трёх волн западного воздействия и влияния. Первая волна началась во второй половине XVIII века и была связана с «очарованием» Парижем и всем французским. После Отечественной войны 1812 г. и вплоть до окончания Второй мировой войны Россия и СССР находились под мощным идейным и культурологическим влиянием Германии и всего немецкого; вершиной этого влияния стало превращение марксизма в официальную советскую идеологию. И, наконец, с середины XX века русской идеей стала идея фикс – «догнать и перегнать Америку», которая и воплотилась в институтах государственной власти – от президента до Национальной гвардии (не говоря уже о количестве миллиардеров и миллионеров в списках журнала «Форбс»).

Движение России и СССР в сторону нормализации принимало в политическом плане стремление демократизировать политическую систему вплоть до попытки внедрения модели полномасштабной демократической политической системы, реализуемой на протяжении последних 25 лет. С.А. Чернов указывает, что этот взгляд на эволюцию советской политической системы получил значительное распространение в США ещё в начале 1960-х годов при президенте Дж. Кеннеди, советники и окружение которого последовательно придерживались той точки зрения, что «тоталитаризм – это ускоренный путь индустриализации. Создав современную промышленность, Советский Союз не-

минуемо столкнётся с необходимостью демократизации государственного управления, сходного с моделями Запада» [с. 78–79]. По сути, так оно и произошло, однако, как более или менее ясно даёт понять автор, период создания «нормального» демократического политического государства в России, по всей видимости, подходит к концу.

Это связано с тем, что истекшие 25 лет оказались достаточно долгосрочным периодом «передышки» между «холодной войной»-1 и «холодной войной»-2, начавшейся с государственного переворота на Украине в начале 2014 г. Помимо внешнеполитического фактора, истекшие 25 лет функционирования экономики в режиме «свободного рынка» убедительно продемонстрировали, что Россия уверенно стала скатываться в разряд развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки. Нельзя не согласиться с автором, что «в начале XXI века России приходится начинать многое сначала. Страна упустила время, когда была возможность перейти от одного уровня технологии к другому без скачка, плавно» [с. 92].

Вместе с тем, автор указывает, что концепция «свободного рынка» не явилась следствием хитроумной спецоперации по «импорту» чуждой российскому менталитету идеологической конструкции. Совсем даже наоборот – концепция «свободного рынка» стала современным вариантом своеобразной «скатерти-самобранки» для «Иванушки-дурачка», бьющего «баклуши на печи», которая – секретарь – «по щучьему велению, по его прошению» и напоит его, и накормит, и «спать уложит», т.е. восходит своими корнями именно к исконно русским национальным архетипам сознания. «Кивок на РЫНОК, – пишет С.А. Чернов, – это нежелание работать, нести ответственность за работу или своё безделье» [с. 94]. Преображение России поэтому предполагает и коренное изменение системы ценностной ориентации и психологических установок, распространению которых в немалой степени способствовали олигархические группировки, сформировавшиеся в результате гайдаровских реформ.

Вместе с тем, необходимо отметить, что некоторые положения работы являются спорными или носят до известной степени «агитационно-пропагандистский» характер. Это относится главным образом к ряду трактовок государственного устройства и роли государства в общественных процессах. Справедливо указывая на антигосударственную деятельность М.С. Горбачёва и других представителей высшего политического руководства СССР в разрушении советского государства, в том числе и уникальной системы государственного управления экономикой, С.А. Чернов несколько упрощенно изображает эволюцию государственного устройства, полагая, что «государство является вторичным, производным от общих интересов разнородных слоёв» [с. 36].

Государственный организм до известной степени является обособленной общественной структурой, имеющей собственные законы функционирования, и его становление занимает длительный период времени, измеряемый жизнью не одного поколения государственных служащих и руководителей. Противореча самому себе, он указывает при этом на американскую государственность, «существующую уже более чем два с половиной столетия» (с. 41), которая пережила и Гражданскую войну 1861–1865 гг., и «Великую депрессию» 1930-х

годов, и при этом не разрушилась, как это имело место с российской государственностью после 1917 г. и после 1991 года.

Справедливо возмущаясь ростом служащих государственного аппарата всех уровней, число которых после всех сокращений и оптимизаций увеличилось с 2000 по 2014 г. с 1,2 млн. человек до 2,2 млн. человек, и констатируя при этом, что «чиновничество плодит бумаги для себя, создавая видимость работы, а не занимается полезными для общества делами» (с. 39), он упускает при этом из виду то обстоятельство, что занятость в государственном секторе экономики при прочих равных условиях предполагает работу на общество, характеризуется стабильностью, понятными перспективами служебного роста, гарантированной заработной платой, в то время как в частном секторе экономики господствует, по сути, один-единственный принцип – на все жалобы и претензии работника, в том числе и на требования достойной зарплаты, существует «простой и незамысловатый» ответ работодателя: «Вы – уволены!»

Однако в целом работа профессора С.А. Чернова, рассчитанная прежде всего на бакалавров, магистров и аспирантов, является тем учебным пособием, которое учит широко и творчески мыслить, понимать ход исторических процессов и место в них нового поколения россиян.

Book Review

Review of the book: S.A. Chernov. Politology

(USA ❖ Canada Journal, 2016, no. 8, p.98-102)

Received 17.04.2016.

TRAVKINA Natalia Mikhailovna, Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences, 2/3 Khleby per., 121069 Moscow, Russian Federation, (uspolitika@gmail.com)

Review of the book: S.A. Chernov. POLITOLOGY. Textbook. Moscow: GTsoLIFK, 2016, 112 p.

About the author:

TRAVKINA Natalia Mikhailovna, Doctor of Sciences (Political), Head of the Center for U.S. Domestic Politics.